

Lehnwörter est. *lammas* 'Schaf', *vasikas* 'Kalb', *põrsas* 'Ferkel' usw. Eventuell ist auch est. *pim* 'Milch' eine indoeuropäische Entlehnung. Ein richtiger Beweis für die Anfänge des Ackerbaus sind das von Feldmann angeführte est. *iva* 'Samenkorn, Korn'. fi. *jyvä* id. Eine alte indoeuropäische Entlehnung kann durchaus auch est. *õun*, *ubin* 'Apfel', fi. *omena* id. sein. Einige Angaben gibt es zu den Arbeitsgeräten. Mehrere wichtige Beispiele bezeichnen die Grundelemente des Arbeitsprozesses, wie z. B. est. *ajada* 'treiben, jagen, lenken', *teha* 'machen', fi. *tehdä* id., est. *tegu* 'Tat, Arbeit', *tuua* 'holen, bringen', fi. *tuoda* id., est. *vedada* 'führen, schleppen, ziehen', fi. *vetää* id., est. *vüia* 'führen, leiten', fi. *viidä* id. usw. (S. 170—178).

Das VII. Kapitel (S. 178—197) beinhaltet die logisch-mathematischen Voraussetzungen der ökonomischen Figur des Güteraustausches. Der Autor bringt gemeinfinnisch-ugrisch-indoeuropäische Wörter wie est. *sama* 'der-, die-, dasselbe', *muu* 'ander (-er, -e, -es)', *vähe* 'wenig, gering, etwas', *suur* 'groß', *hulk* 'Menge, Masse, Vielheit, viel', *kõik* 'all, alles', *lisa* 'Ersatz, Ergänzung, Beilage', die estnischen Zahlwörter von *üks* 'eins' bis *kümme* 'zehn' u. a. Beispiele.

Die Ausführungen zum Ursprung und zur Genesis der sprachlichen Artikulation der reziproken Doppelfigur des auf Wertäquivalenz von Leistung und Gegenleistung beruhenden Güteraustausches bilden ein eigenständiges Kapitel (S. 197—207). Es werden mehrere hypothetische Etymologien vorgebracht, wie est. *maksta* 'kosten, bezahlen', fi. *maksaa* id., mord. *maksoms* 'geben', die vom Verfasser mit

lat. *mercatus*, *mercator* und altind. *mer-sati* 'berührt, faßt an' verbunden werden. Die anderen nach verschiedenen Quellen angeführten Beispiele hat Feldmann ebenso nicht sachlich analysiert.

Im letzten Kapitel seiner Forschung (S. 207—231) behandelt er die Verankerung des Zugriffes zu den Alternativen im Sprachbau und ihre Widerspiegelung in der ältesten Schicht der uralisch-indogermanischen Sprachberührungen. Hier werden die Anschauungen von J. Mägiste und anderen Etymologen zitiert. Feldmann bringt Listen der abstrakt-zeitlosen Schicht der betrachteten Wörter und eine Übersicht zur Tätigkeit der Linguisten, die die uralisch-indoeuropäischen sprachlichen Beziehungen erforscht haben.

Am Ende des Buches findet sich ein umfangreiches, fast 170 Werke umfassendes Verzeichnis der benutzten Fachliteratur. Das vorliegende Buch von G. W. Feldmann ist eine Untersuchung, die nicht nur linguistische Sachverhalte ins rechte Licht gerückt hat, sondern auch den historischen Hintergrund ausführlich hervorhebt. Damit steht allen Erforschern der uralischen Sprachen, der Ethnographie, Anthropologie und Archäologie ein notwendiges Nachschlagewerk zur Verfügung. Die indoeuropäischen Elemente im Finnisch-Ugrischen, vorwiegend im Ostseefinnischen sind erschöpfend dargestellt, da sie von Philologen schon früher festgestellt worden waren. Leider hat der Autor die finnisch-ugrischen kommerziellen Elemente in den indoeuropäischen Sprachen nur flüchtig berührt. Das Werk von G. W. Feldmann ist ein notwendiges Handbuch für alle, die sich mit der finnisch-ugrisch-indoeuropäischen Urkultur beschäftigen wollen.

PAUL ARISTE (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1989.1.09>

Kaisa Häkkinen, Suomen kielen sanaston historiallista taustaa, Turku 1985 (Fennistica 7). 159 c.

Задуманная как университетский учебник и посвященная историческому фону лексики финского языка работа Кайсы Хяккинен состоит из предисловия, введения и пяти глав: 1. О структуре лексики; 2. Об изучении слов и исследовательских методах; 3. Древняя исконная лексика; 4. Заимствованная лексика; 5. О струк-

туре лексики современного финского языка. Все главы в свою очередь состоят из разделов, каждый из которых завершается подборкой соответствующей литературы. В конце книги расшифровываются использованные сокращения названий языков и диалектов. Автор поставила перед собой задачу дать обзор про-

исхождения лексики финского языка в объеме — как она отмечает — отвечающим задачам общэтимологического просвещения студентов-филологов, и методов этимологического исследования лексики. Она считает, что изучение истории лексики переживает сейчас переломный период, когда представления о ранних этапах развития финно-угорской языковой семьи, о ее разветвлении, межязыковых контактах, очевидно, радикально меняются, а это пока не допускает более обстоятельного синтезирования. И все же — удачной подготовкой к обобщению новых этимологических достижений можно признать рецензируемую работу. Результат, особенно с точки зрения учащегося, был бы еще значительнее при наличии краткого экскурса в основные труды классического этимологического исследования как отправной точке и источнику сравнения, а также при более критичном отношении автора к приводимому для иллюстрации этимологическому материалу. Ниже в основном с ознакомительной целью излагаются наиболее интересные, по мнению рецензента, положения.

Во введении рассматриваются вопросы происхождения языков и языковых семей, а также языкового родства. Особо подчеркивается, что хотя в отдельных случаях зарождение и этапы развития языка прослежены весьма детально (напр., романские языки), историческое разграничение различных языковых форм все же затруднено: процесс разветвления языков длится иногда столетия, в ходе его может произойти и частичное слияние.

Во введении затронута и гипотеза о родстве ностратических языков. К. Хяккинен относится к ней скептически, находя, что выдвигание такой гипотезы практически не способствует развитию сравнительного языкознания: свидетельствующих в пользу возможного родства единичных элементов слишком мало и на их основе ничего нельзя сказать об историческом развитии языков.

В первой главе, посвященной структуре лексики, рассматриваются принципиальные вопросы, связанные с понятиями слово, словоформа, лексема, омонимия, синонимия и полисемия. Познакомив с источниками происхождения ос-

нов, К. Хяккинен останавливается и на экспрессивных словах, мотивированных фонетически. Поскольку фонетический облик их нерегулярно изменчив и лабилен, историческое изучение чрезвычайно затруднено. Автор отмечает, что хотя экспрессивные слова вроде бы и имеют соответствия в родственных языках, они могли возникнуть и самостоятельно; при исследовании лексики их обычно оставляют в стороне. Создается впечатление, что К. Хяккинен разделяет мнение тех авторов, которые в экспрессивных словах не видят объекта для этимологизации (с. 24).

При анализе морфологически сложных слов К. Хяккинен обращает внимание на обратные производные как на противопоставление словообразованию путем сложения и сокращенные слова. Последний прием в новейшее время получил широкое распространение в словообразовании (с. 29).

Сложение слов — свойственный прежде всего существительным способ словообразования, однако в последнее время заметна тенденция возникновения сложных глаголов под влиянием индоевропейских языков, в первую очередь немецкого и шведского. В ранней лексике сложные слова, собственно, неизвестны и это, по крайней мере отчасти, обусловлено тем обстоятельством, что длинные слова не очень сохраняются в языке, как отмечает К. Хяккинен.

Интересен раздел работы, в котором приводятся данные разных исследователей о числовом соотношении простых основ, производных и сложных слов в финском языке.

Взяв за критерий происхождения, К. Хяккинен делит слова на исконные и заимствованные. Состояние в эстонском языке лучше характеризует деление на три категории — в дополнение к упомянутым вычленяются искусственные слова (см. H. Rätsep, *Eesti kirjakeele tüvevara päritolu*. — КК 10 1983, с. 540). К. Хяккинен поясняет, что более исконными словами целесообразно считать те лексемы, которые имеют этимологические соответствия в дальнеродственных языках (обско-угорских или самодийских). Подробнее останавливается она на проблеме подлинности той лексики, которая, судя по данным о распростране-

нии, могла возникнуть лишь в промежуточных языках. Автор отмечает, что очень редко в языке берутся на вооружение совершенно произвольно подобранные звуковые последовательности в определенном значении, создавая тем самым новые слова (т. е. самовозникновение или *generatio spontanea*). Поэтому толкование слов узкого распространения без этимологии как продукта гипотетического промежуточного языка в научном отношении неубедительно.

Переходя к заимствованиям, К. Хякиннен указывает, что представление о ранней истории финского языка и его носителей базируется в основном на исследовании заимствований. По крайней мере пятая часть слов общепинского языка заимствована из других языков или произведена от заимствованных основ. Заимствования преимущественно имеют индоевропейское происхождение, но во всяком случае в язык они в основном попали через какой-либо индоевропейский язык (шведский, немецкий, в новейшее время английский). Финно-угорские языки с отдельными ответвлениями индоевропейских языков находились в непрерывном контакте на протяжении всего известного периода развития этой языковой семьи.

Обратившись к гипотезе изначального родства уральских и индоевропейских языков, К. Хякиннен разделяет мнение тех исследователей, которые опровергают мысль о том, что сходство личных местоимений может служить доказательством языкового родства древнейших уральских и индоевропейских племен. Она напоминает, что общие элементы, которые невозможно счесть заимствованными с той или иной стороны, могут оказаться параллельными заимствованиями из какого-то третьего источника или просто случайными совпадениями. Позже, рассматривая заимствованную лексику по возрастным слоям, автор приводит некоторые попытки объяснить сходство личных местоимений в уральских, индоевропейских, алтайских и палеоазиатских языках с привлечением среди прочего гипотезы ностратических языков и фонетической символик.

Вторая часть, посвященная приемам исследования происхождения слов, несомненно, представляет большой интерес.

Автор справедливо считает, что наука этимологизации не располагает должной общей теорией. Анализ истории слова сосредоточен на самом слове и прием, трактующий одну этимологическую проблему, совсем не обязательно применим для решения другой. Использование универсальных средств в этимологизации возможно в той мере, в какой общие принципы и тенденции, на основе которых можно судить о достоверности предлагаемой этимологии, проявляются в фонетической структуре, фонетических и семантических изменениях, лексической системе.

К. Хякиннен подчеркивает большое значение внеязыковых факторов при этимологизации. В самом языке немного опорных точек, позволяющих однозначно судить о возрасте языкового материала, они обнаруживаются подчас во внеязыковой действительности.

Разбирая сдвиги в семантике слов, автор указывает, что их, как известно, не характеризуют сравнимые с фонетическими изменениями закономерности. Семантические изменения объясняются путем подыскивания для них параллельных развитий в других языках или значений в диалектах либо старом литературном языке, которые могли быть промежуточной ступенью. Подобные параллели не доказывают факта изменений, а лишь свидетельствуют о возможности их.

Довольно подробно останавливается К. Хякиннен на методах исследования заимствованной лексики. Выдвигая гипотезу о заимствовании, наряду со всем прочим следует иметь в виду и то, чтобы предположение о заимствовании было реалистичным: источник заимствования и заимствователь должны быть языковыми формами одного времени, между которыми исторически установимы непосредственные или опосредованные контакты.

Оправданно выделяет К. Хякиннен информацию фонотактики при розыске потенциальных заимствований и ее чрезвычайно большое методологическое значение при изучении заимствований: каждый язык обладает лишь ему присущими фонотактическими закономерностями, которые в той или иной степени сохраняются в заимствующем языке, тем самым указывая на источник.

Кроме фонетической структуры, информация о заимствовании слова дают

его значение и распространение. Поскольку слово часто заимствуется вместе с культурными влияниями, слова одной и той же понятийной группы распространяются вместе. Рассматривая распространение как критерий заимствования, автор отмечает, что финские слова, которые имеют соответствия во всех близкородственных языках, но не имеют в дальнеродственных, при этимологизации могут в большинстве своем оказаться заимствованиями. Новые производные основы редко приобретаются иным, чем заимствование, путем.

В третьей части работы автор знакомит с исконной лексикой по группам происхождения. В разделах рассматриваются соответственно уральские, финно-угорские, финско-пермские, финско-марийские и финско-мордовские, финско-саамские, прибалтийско-финские и финские слова. Более старые лексические слои анализируются по понятийным группам с применением единой классификации: а) обозначающие человека и человеческие отношения слова, б) названия частей тела, в) названия животных (и связанные с животными слова), г) относящиеся к природе и порядку в природе слова, д) слова, связанные с добычей и другими работами, е) обозначающие движение слова, ж) слова, передающие человеческую деятельность, з) местоименные основы, и) имена числительные, к) иные *существенные* слова. Перечни не содержат всех надлежащих этимологий (сознательно, например, опущены отсутствующая в финском языке генуинная лексика и спорные этимологии, в том числе возможные описательные слова). С интересом читаются комментарии и объяснения групп по происхождению. Например, К. Хяккинен обращает внимание на явную фрагментарность уральского лексического слоя. Поскольку определенные части лексикона образуют серии, поля, являются членами антонимных пар, наличие одних членов предполагает непременно знание и других. Например, в перечне уральских слов есть *ala* 'низ', но отсутствует *ylä* 'верх', есть числительное *viisi* 'пять', но отсутствуют члены серии *yksi* 'один', *kolme* 'три', *neljä* 'четыре'. Подобные факты говорят о том, что к уральскому слою принадлежат слова более узкого распространения,

хотя их соответствия и невозможно обнаружить в самодийской ветви. Исходя из сверхгипотетичности волжского праязыка, К. Хяккинен говорит не о финско-волжской лексике, а отдельно о финско-марийской и финско-мордовской. Среди финско-марийских этимологий даны и основы, имеющие соответствия в мордовских языках (более половины приведенных основ!). В отношении причисленных к финско-марийскому периоду числительных *kahdeksan* 'восемь' и *yhdeksän* 'девять' автор полностью разделяет мнение тех исследователей (Э. Итконен), которые считают их состоящими из генуинного материала и опровергают индоевропейское (балтийское) происхождение компонента

^{с...}
deksän. В отнесенном к проблематичным сочетании *-ks-* внутри слова Сетяля, как известно, видит отражение аффрикатного произношения палатального *k* (**dekm*) (E. N. Setälä, Aus dem gebiet der lehnbeziehungen I. Einige zahlwörter. — FUF XII 1912, с. 162—166). Поскольку в прибалтийско-финских балтизмах действительно есть явные следы аффрикатной промежуточной ступени развития индоевропейских палатальных, мнение Сетяля заслуживает внимания. Серьезный интерес вызывает и попытка объяснения Витторе Пизани; *k* в компоненте *deksan* секундарен, указывает на балтийский источник, где вторжение *k* перед *s/š* характерно (V. Pisani, Lituanian *ks, kš, per s, š e le continuazioni baltiche di palatali indoeuropee*. — Studi Baltici 10, 1969, с. 127—129). Интерпретацию числительных *kahdeksan* и *yhdeksän* как путь вычитания 10—2 resp. 10—1 подтверждают типологические параллели в ряде языков (см. Вяч. Вс. Иванов, К типологии числительных первого десятка в языках Евразии. — Проблемы лингвистической типологии и структуры языка, Ленинград 1977, с. 39 и сл.; там же соответствующая литература; Я. А. Чанышев, К этимологии тюркских числительных первого десятка. — Теория и практика этимологических исследований, Москва 1985, с. 80—81).

По финско-мордовскому периоду К. Хяккинен более обстоятельно анализирует земледельческую и скотоводческую лексику, где более половины основ

не имеет соответствий в саамском. Этот факт можно вполне убедительно объяснить по-разному, однако по мнению К. Хяккинен, наиболее простое решение — предположить, что эта лексика проникла в прибалтийско-финские и мордовские языки лишь после распада прибалтийско-финско-саамско-мордовской языковой общности.

В финском языке имеется, по К. Хяккинен, около 3000 общих прибалтийско-финских (включая производные) слов. Учитывая, что время существования праязыка не намного дольше периодов существования других праязыков, бросается в глаза непропорционально большое количество т. н. самовозникающих непроизводных основ. Поэтому вполне очевидно, что доля заимствований в прибалтийско-финской лексике больше, чем смогла до сих пор выявить этимологизация. Для перечня прибалтийско-финской лексики автор подобрала 65 слов. Критерием отбора служил тот факт, что у этих слов отсутствует удовлетворительная этимология. В перечень среди других вошли *eilen* 'вчера', *hauki* 'щука', *jänis* 'заяц', *kylki* 'бок', *saari* 'остров' и *suo* 'болото', которые П. Аристэ, как известно, считает протоевропейским субстратом. К. Хяккинен разделяет скептическое отношение к гипотезе о субстрате некоторых ученых. Она отмечает, что перечень, очевидно, содержит слова, полученные от предшественников известных сегодня индоевропейских языков. В него попали явные балтийские заимствования *leuka* 'подбородок' и *ohdake* 'бодяк', заимствованием с балтийской стороны (балто-славянским) в сочетании с некоторыми используемыми фонетическими фактами может быть все же и *peura* 'северный олень (дикий)' (ср. В. Топоров, Прусский язык, А—Д, Москва 1975, с. 244—246; **braidis*; J. Endzelins, *Sikumi*. — FBR XIX 1939, с. 215—216). Л. Пости представил безукоризненную балтийскую этимологию для *ohdake* 'бодяк' (см. L. Posti, Some New Contributions to the Stock of Baltic Loanwords in Finnic Languages. — *Baltistica* XIII (1) 1977, с. 268—269; альтернативные попытки этимологизации малоубедительны, в том числе и привлечение японских данных: А. Fujiwaga, *Animals and Vegetables in Japanese and Uralian*. — *Uralica* 3 1975, с. 92).

Балтийскую этимологию слова *leuka* 'подбородок' с негодованием отверг Э. Ниementин (см. E. Niementin, *Reuna ja leuka*. — *Vir.* 1945, с. 40 и сл.). Основным препятствием для объединения признана разница значений: прибалт. 'подбородок' — балт. '(шейные) железы, вспухшие миндалины (у свиньи)'. В литовском языке произошло семантическое разветвление: *pa/liáukis* 'Wamme beim Hornvieh', *pa/liaukys* то же (E. Fraenkel, *Litauisches etymologisches Wörterbuch I*, Heidelberg-Göttingen 1955, с. 361—362; *liaukà*). Кроме того, имеются определенные семантические параллели, показывающие, что 'подбородок' и '(болезненно вспухшая) железа' могут происходить от одной и той же основы, напр., *žándas* 'скула, челюстная кость' и *pažándés* мн. ч. 'мыт (adenitis equorum)', рус. *скула* 'челюсть; личная простудная болезнь и опухоль в лице, на шее, пухлые железы, заушница' (Вл. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка IV, Москва 1955, с. 213). (Характерным признаком болезни является появление гноя в лимфатических узлах нижней челюсти). До сих пор в этимологической литературе совершенно не уделялось внимания следующим эстонским диалектным данным, решительно облегчающим объединение указанного балтийского слова с прибалтийско-финским: *lõua/hired* 'шейные железы', *lõua/tõbi* 'мыт', *lõud* мн. ч. (ин. *lõugus*) 'шейные железы', *lõu(e)/kool* 'мыт', *lõuel*, *-e* (*lõvel*, *lõvil*) 'в мыте', *lõue/tõbi* 'мыт', *lõuge/perä* 'болезнь', *lõug/tõbi* 'мыт', *lõul*, *-e* 'в мыте', *lõus*, *-se* 'в воспалении желез', *lõused* мн. ч. 'шейные железы', ? *lõusin* 'вяло', *lõu/tõbi* 'мыт' (приведено по «*Väike murdesõnastik*» I, Tallinn 1982, там же имеются сведения о распространении слов). Данное слово для наименования желез и болезней употребляется в диалектах преимущественно в форме множественного числа: *lõud*, *lõused*, причем *lõu(d)* идет от основы мн. ч. слабой ступени, предположительно формы мн. ч. инессива или адессива *lõu/s ~ l* < *lõuu/s ~ l* < **leuoi-*, форма *lõuse/d* получена путем метанализа от инессива мн. ч.; так удалось избежать и мешающей омонимии.

Перейдя к анализу чисто финских слов, К. Хяккинен обращает внимание на

то обстоятельство, что слов без этимологий особенно много среди прилагательных. Поскольку функция прилагательных — это описание, может быть, мы имеем дело с дескриптивными словами, дескриптивность которых со временем утратилась. Для некоторых таких слов она приводит фонетически и семантически близкие слова, которые «с помощью деривационной морфологии совсем нельзя объединить». Принадлежащая к таким фонетико-дескриптивным словесным полям лексика гетерогенна. В сфере такого поля фонетический облик и значение слов могут частично изменяться.

В четвертой части своей работы К. Хяккинен более подробно рассматривает заимствования. Она еще раз напоминает, что практически вся заимствованная лексика финского языка имеет индоевропейское происхождение. Поскольку источники заимствования — близкородственные между собой языки, подчас трудно установить, какая языковая форма послужила исходом для заимствованной основы: фонетический анализ, распространение и семантика могут дать разные толкования. При исследовании заимствованных слов возможность выбора среди формально корректных оригиналов не так уж редка. Распространение ранних индоевропейских заимствований в финском и более дальних родственных языках различно. К ним относятся явно разновременные заимствования. Однако большая работа по выявлению ранних индоевропейских заимствований еще предстоит. По отдельным разделам К. Хяккинен анализирует следующие пласты заимствований: 1) индоуральские: общие слова, которые указывают на возможное изначальное родство или представляют собой предполагаемые заимствования из индоевропейского праязыка в уральский праязык; 2) т. н. старые индоевропейские; 3) арийские, или индоиранские; 4) балтийские; 5) древние германские; 6) славянские; 7) поздние шведские и попавшие через посредство шведского языка из других языков. К сожалению, остались почти без внимания отношения заимствования внутри языковой семьи.

К. Хяккинен отмечает, что в принципе и индоуральские слова могли быть заимствованиями, хотя им не присуши

фонетические признаки определенного слоя заимствований. Рассматривая древние индоевропейские заимствования, она высказывает мнение, что неверно употреблять термины *древние индоевропейские заимствования* и *арийские заимствования* как синонимы, поскольку совершенно очевидно, что древние индоевропейские заимствования попадали и из иных источников, не только из арийского (с. 120). Опираясь на результаты исследований Й. Койвулехто, упоминает К. Хяккинен и т. н. прагерманские, или прабалтийские, заимствования. Она разделяет мнение, согласно которому прагерманские (прабалтийские) заимствования получены от носителей культуры ладьевидных топоров, которые появились на побережье Балтийского моря примерно в 2500—2000 гг. до н. э. В отношении точки зрения, согласно которой эту культуру представляли только балты, К. Хяккинен настроена скептически, считая, что ареал культуры для этого слишком обширен (с. 127). Однако такая картина распространения не противоречит модели индоевропейского праязыка, по которой Прибалтика была центром ареала древнеевропейских (или балтийского типа) гидронимов, отсюда к востоку гидронимы данного типа встречаются лишь до линии, к которой подходит восточная граница максимального балтийского ареала (см., например, W. P. Schmid, *Alteuropa und das Baltikum*. — *Baltistica* XX (1) 1984, с. 4—10 и его же, *Aura und Aurajoki*. — *Baltistica* IX (2) 1973, с. 189—194). О времени начала балтийско-прибалтийско-финских межъязыковых контактах личные мнения. Поскольку балтийские заимствования редки в саамском и волжских языках, этот факт должен как бы говорить о том, что при начале балтийско-прибалтийско-финских контактов волжане и саамы в какой-то мере еще были связаны с прибалтийско-финскими народами по языку. Большой интерес вызывает предположение, что именно контакты с балтами разделили прибалтийско-финско-саамский праязык на двое: попавший в сферу балтийского влияния прибалтийско-финский и избежавший его саамский праязыки. К. Хяккинен считает, что вопрос о на-

чале балтийско-прибалтийско-финских контактов пока остается открытым (с. 127). Она упоминает, что в прибалтийско-финских языках имеется более ста балтийских заимствований и половина из них встречается во всех прибалтийско-финских языках. Для наглядности автор приводит ряд балтизмов, среди них этноним *hämäläinen* и идентичный с ним в этимологическом плане *sabmëlâš*. Связывание этого этнонима (как и балтийских наименований племен *zem/gaļi*, *žemaitis*) с балтийским аппелятивом *žēme* 'земля' нельзя отнести к удачным решениям. Например, литовский исследователь З. Зинкевичюс в своем выступлении на состоявшейся в 1985 г. в Лиелупе конференции по вопросам этногенеза балтийских племен рекомендовал исходить из значения 'низменность' (ср. литов. *žėmas* 'низкий'). Между прочим, новую, заслуживающую внимания попытку дешифровки *Häme* и *hämäläinen* предложил Э. Эрните (см. Э. Эрните, К происхождению уральских этнонимов с основой *sa(a)m-*. — СФУ XX 1984, с. 126—127; см. также И. С. Галкин, Древнейшие пласты марийской топонимики. — Вопросы марийской ономастики, вып. 6, Йошкар-Ола 1987, с. 9—10).

Опираясь прежде всего на результаты исследований Й. Койвулехто, в отношении древних германских заимствований К. Хяккинен приводит несколько совершенно новых аспектов и переоценок. По классическому определению контакты прибалтийско-финских племен с германцами установились значительно позже, чем их контакты с балтами. Опираясь на этимологию и мнение Койвулехто, автор рецензируемой работы показывает, что в прибалтийско-финских языках встречаются заимствования, которые предполагают уровень реконструкции более раннего прибалтийско-финского праязыка. Наличие принимаемых за германские заимствования слов в восточных финно-угорских языках (напр., пермских) объясня-

ется посредничеством прибалтийско-финских языков. Характеризуя широкое распространение старых германских заимствований, К. Хяккинен все же замечает: обширное распространение далеко не всегда означает, что речь идет о старом, заимствованном праприбалтийско-финским языком слове, германские заимствования получили распространение в основном позже, возможно, что частью из разных источников.

Последняя, пятая часть содержит замечания о морфологической структуре лексики современного финского языка. Более 90% ее составляют морфологически сложные слова. К. Хяккинен считает, что в принципе к области исследования лексики и этимологии относится и выяснение того, когда образованы сложные морфемы, какие семантические сдвиги произошли при этом, что изменилось в синтаксическом характере и т. д. Эта сторона до сих пор изучалась недостаточно, этимологизация концентрировалась на выявлении первоначальной формы, значения и происхождения корневого слова.

В общефинском языке имеется примерно 6000 непроизводных основ, лишь десятая часть которых располагает убедительным этимологическим соответствием по крайней мере в одном дальнеродственном языке. Древние словоосновы составляют незначительную часть всей лексики языка, но их встречаемость и деривационная нагрузка велики, причем центральное место занимают основы местоимений: к сотне наиболее часто употребляемых слов в финском языке относятся все личные местоимения (за исключением местоимения *te* 'вы') и некоторые производные от местоименных основ. Наибольшую деривационную нагрузку имеет финно-угорская основа на *esi* 'перед, пред', как и в эстонском языке (см. H. Rätsep, Eesti kirjakeele sõnatüvede tuletuskoormus. — КК 11 1986, с. 663, 665—666).

ЛЕМБИТ ВАБА (Таллинн)